

ОСОБАЯ КАТЕГОРИЯ ДОГОВОРОВ ПО ОКАЗАНИЮ УСЛУГ: «С КОНКРЕТИЗАЦИЕЙ ИСПОЛНИТЕЛЯ»

Вольвач Я.В.¹

Ключевые слова: непоименованная сделка, общие начала и смысл гражданского законодательства, личный характер обязательства, личные обязательства, оказание услуг, личное исполнение обязательства, конкретизированный исполнитель, конкретизант, правосубъектность юридического лица, третье лицо, не приобретающее права стороны по договору, регрессное обязательство.

Аннотация

Цель работы: исследование вопросов, касающихся признаков, определяющих правовую природу конкретизированного исполнения и статус исполнителя, если речь идет о договоре возмездного оказания услуг, в котором непосредственный исполнитель назван, то есть конкретизирован.

Метод исследования: в основе исследования — как общенаучные, так и частнонаучные методы исследования — сравнительно-правовой, системно-правовой, логический, метод анализа и толкования правовых актов.

Результаты исследования: сформулирован вывод о целесообразности введении в научный оборот термина, обозначающего субъекта, взявшего на себя обязанности по непосредственному осуществлению действий, направленных на исполнение договора; оптимальным с позиций компактности и смысловой обозначенности представляется термин «конкретизант». Кроме того, предложена альтернативная теоретическая модель отношений с участием конкретизанта, актуальная в ситуациях, когда личность данного субъекта имеет основополагающее значение в конкретных гражданских правоотношениях.

Научная новизна: введение в научный оборот термина «конкретизант» и предложение альтернативной теоретической модели отношений с участием конкретизанта, который, дав свое согласие на указание его в договоре в качестве исполнителя, не становясь стороной договора, совершает одностороннюю гражданско-правовую сделку (в том числе являясь при этом субъектом трудовых отношений), содержание которой — те действия, которые он обязуется совершить. Взаимосвязь этих действий с действиями исполнителя определяет статус указанных субъектов как участников многостороннего гражданского правоотношения, возникшего на основании юридического состава (договор оказания услуг и односторонняя сделка конкретизанта).

DOI: 10.21681/2226-0692-2023-1-94-101

Введение и постановка задачи

Выявление оснований обособления и квалификации в качестве непоименованной сделки особой разновидности личного договора — «с конкретизацией исполнителя» — обуславливает необходимость установления сути данного явления, статуса непосредственного исполнителя в обязательстве, наличия/отсутствия оснований возникновения прав, обязанностей и ответственности непосредственного исполнителя в обязательстве.

Обозначим терминологическую проблему: допуская указание в договоре субъекта, который будет непосредственно осуществлять действия, составляющие предмет обязательства, законодатель не вводит компактное понятие для обозначения данного

субъекта, что вынуждает оперировать терминами «непосредственный исполнитель», «конкретизированный исполнитель», «конкретный исполнитель» — в доктрине единый термин не сложился [1, с. 25—26].

Решение данной проблемы видится во введении в научный оборот термина, обозначающего субъекта, взявшего на себя обязанности по непосредственному осуществлению действий, направленных на исполнение договора; наиболее оптимальным с позиций компактности и смысловой обозначенности представляется термин «конкретизант». Важно отметить, что этот термин позволяет избежать упоминания об «исполнителе», неизбеж-

¹ Вольвач Януара Валентиновна, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин АНО ВО «Московский гуманитарно-экономический университет», г. Москва, Российская Федерация. E-mail: adv_71@mail.ru

ном при обозначении «конкретизированного исполнителя», что позволит избежать неверного понимания и терминологических дискурсов.

Далее в настоящей статье мы будем использовать данный термин; договор с непосредственным/конкретизированным исполнителем будем именовать «договором с конкретизантом».

К числу конкретизантов могут относиться две категории субъектов:

1) наемный работник исполнителя (субъект трудовых отношений с субъектом-исполнителем договора об оказании услуг);

2) лицо, привлеченное исполнителем по гражданско-правовому договору, не связанному с трудовой деятельностью.

Обращает на себя внимание многоаспектность исследуемых отношений, в связи с чем представляется необходимым рассмотреть наличие или отсутствие, а также характер взаимосвязи конкретизанта с исполнителем и заказчиком как субъектами отношений.

С этой целью проанализируем конструкции, на основании которых правоприменитель приходит к тому, что действия определенных субъектов порождают права и обязанности у юридического лица. К таковым относятся:

а) деятельность некоторых органов юридического лица отождествляется с деятельностью юридического лица²;

б) действия работников юридического лица, осуществляемые в рамках реализации трудовой функции или возложенных на них полномочий по исполнению его обязательства (без привлечения других физических или юридических лиц), считаются действиями самого юридического лица³.

Решение поставленной задачи

С учетом сказанного выше вполне обоснованным представляется вывод о том, что действия, деятельность юридического лица в рамках реализации его правосубъектности — суть действия его работников и/или иных уполномоченных на определенные действия лиц. В доктрине подобные выводы обосновываются⁴ [2, с. 67—69].

Правосубъектность юридического лица — понятие широкое, емкое и многоплановое. Прежде всего, конечно, правосубъектность — конструкция

частноправовая⁵ [3, с. 115; 4, с. 6—10]. Но она применима и юридически значима не только в гражданском праве, но и в иных отраслях, в частности, в трудовом праве⁶ [5, с. 8; 6, с. 202; 7, с. 20].

Вместе с тем именно в праве гражданском названная категория содержит интересующий нас аспект, а именно — действия работников должника по исполнению его обязательства считаются действиями должника (п. 1 ст. 402 Гражданского кодекса (ГК) РФ).

Но если действия юридического лица суть действия работника, связанного с работодателем трудовым договором и исполняющего трудовую функцию (в данном исследовании автор не касается вопроса оценки расширительного толкования в контексте соотношения/тождества/корреляции между действиями работников по исполнению обязательства и действиями юридического лица, и между действиями работников и действиями юридического лица), то возникает вопрос о сохранении либо не сохранении этой конструкции в условиях возникновения регулируемого гражданским правом основания возникновения у работника — физического лица прав и обязанностей в гражданско-правовом договоре исполнителя с заказчиком, которые потенциально, согласно ст. 8 ГК РФ, могут создавать гражданские права и обязанности даже в случаях, прямо не предусмотренных законом.

Однако здесь следует учитывать следующее.

Положения ст. 8 ГК РФ позволяют квалифицировать в качестве действий, могущих порождать гражданские права и обязанности, любые действия граждан и юридических лиц, которые в силу общих начал и смысла гражданского законодательства направлены на возникновение обязательственных взаимосвязей.

Между тем принятие такой позиции влечет вывод о том, что квалифицирующим признаком обладает не собственно действие, а гражданско-правовое последствие, которое это действие порождает или способно породить.

При этом логично предположить, что лицо, совершающее это действие, не действует хаотично, а имеет «causa» — цель достижения определенного гражданско-правового результата; в противном смысле эти действия юридически незначимы. Наличие гражданско-правовых последствий определяет, по общему правилу, характер, содержание, направленность действия, его соответствие общим началам и смыслу гражданского законодательства.

² Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда (ААС) от 10.12.2012 № 08АП-9377/12. URL: <https://clck.ru/av8xQ> (дата обращения: 11.11.2022).

³ Постановление Восемнадцатого ААС от 26.08.2008 № 18АП-4513/2008. URL: <https://clck.ru/av8oD> (дата обращения: 11.11.2022); Постановление Пятнадцатого ААС от 19.03.2021 № 15АП-1156/12. URL: <https://clck.ru/av94j> (дата обращения: 11.11.2022).

⁴ Артеменков В.К. Орган юридического лица как правовое средство // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 10. С. 84—93; Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве: понятие, виды, государственные юридические лица. М., 1947. 364 С.

⁵ Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении / Р.О. Халфина. М.: Юридическая литература, 1974. 340 с.; Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. 3. М., 1912. С. 577.

⁶ Межотраслевая координация правового регулирования труда в корпоративных организациях: монография / Под редакцией Н.Л. Лютова. М.: Буки Веди, 2016. 194 с.; Харитонов М.М. Множественность лиц на стороне работодателя: дис. ... канд. юрид. наук / М.М. Харитонов. СПб., 2010. 160 с.

В этой связи представляется важным вопрос: могут ли действия, не регулируемые гражданским правом, повлечь именно гражданско-правовые последствия? Актуальность данного вопроса прямо связана с теми примерами из правоприменительной практики, которые приведены выше.

Так, общим выводом из упомянутых судебных актов является то, что действиями работника юридического лица в рамках возложенных на него трудовых обязанностей создаются права и обязанности юридического лица перед третьими лицами.

Возвращаясь к п. 1 ст. 8 ГК РФ с целью выявления буквального смысла слов и выражений, применяемых законодателем к непоименованным законом действиям, порождающим гражданско-правовые последствия, констатируем, что такие должны соответствовать общим началам и смыслу гражданского законодательства.

Научные исследования демонстрируют достаточно единообразную позицию, толкуя общие начала и смысл как основные принципы гражданского законодательства⁷ [8, с. 57; 9, с. 3—4; 10, с. 74—75; 11, с. 10; 12, с. 15].

Положение п. 2 ст. 6 ГК РФ оперирует категорией «общие начала и смысл гражданского законодательства»; общие начала применимы в порядке аналогии права. И если в первом случае эта категория представляется понятием оценочным и неопределенным, мыслимым достаточно широко, то в контексте ст. 6 ГК РФ — более определенным и менее субъективным.

Под аналогией права понимается применение в случае пробела в регламентации общих начал и принципов соответствующей отрасли права⁸; доктрина отмечает значимость и актуальность применения аналогии права⁹ [13, с. 65]. Совокупность изложенных в приведенном определении признаков позволяет сделать вывод, в соответствии с которыми любые действия, не урегулированные нормами гражданского права, могут породить гражданско-правовые последствия, если эти действия не проти-

воречат общим началам и смыслу гражданского законодательства.

Важно, чтобы такие действия были основаны на признании равенства участников регулируемых отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечении восстановления нарушенных прав и их судебной защиты, приобретении и осуществлении гражданских прав своей волей и в своем интересе, свободе установления прав и обязанностей по основаниям, не противоречащим закону, добросовестности действий, свободном перемещении товаров, услуг и финансовых средств на всей территории РФ, установлении ограничения гражданских прав федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ст. 1 ГК РФ), на дозволительной направленности гражданско-правового регулирования¹⁰.

Таким образом, представляется, исходя из ранее поставленного вопроса, что иные действия граждан и юридических лиц, хотя и не предусмотрены законом и иными правовыми актами, охватывают абсолютно любые действия, формально не противоречащие основным началам и принципам гражданского законодательства.

Но возникает вопрос: а если эти действия уже урегулированы нормами иной самостоятельной отрасли права, в частности, трудового права?

Одни и те же действия могут являться основаниями возникновения, изменения прав и обязанностей как в трудовых отношениях, так и в гражданско-правовых, однако это не может привести к выводу о совпадении предметов регулирования двух самостоятельных отраслей права.

Вместе с тем объективно невозможным в силу природы трудовых отношений и трудового договора является совпадение в одном лице работника и работодателя, даже если единственный участник является его директором, поскольку работодателем выступает не единственный участник, а юридическое лицо — хозяйственное общество [14, с. 44].

Кроме того, действия, совершаемые работником в рамках трудового договора, не удовлетворяют основным началам и принципам гражданского законодательства¹¹.

⁷ Рыженков А.Я. Дифференцирование применения принципов гражданского права в судебной практике // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 4. С. 210—216; Свердлык Г.А. Принципы советского гражданского права. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. 200 с.; Дроздова Е.Г. Основные принципы гражданского права. URL: https://spravochnick.ru/pravo_i_yurisprudenciya/ponyatie_grazhdanskogo_prava/chto_takoe_grazhdanskoe_pravo (дата обращения: 11.11.2022); Ткаченко А.А. Понятие и система принципов гражданского права. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-sistema-printsipov-grazhdanskogo-prava> (дата обращения: 11.11.2022).

⁸ Большой юридический словарь. М. : Инфра-М. А.Я. Сухарев, В.Е. Курутских, А.Я. Сухарева. 2003. 1235 с.

⁹ Балашов А.Н., Мишутина Э.И. Вопросы применения аналогии закона и аналогии права в гражданском судопроизводстве // Российская юстиция. 2009. № 10. С. 59—62; Шиндяпина Е.Д., Бошно С.В. Соотношение аналогии права и аналогии закона // Юрист. 2006. № 7. С. 6—9; Фомина Л.А. Аналогия закона и аналогия права в системе способов преодоления пробелов гражданского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 27 с. Шиндяпина Е.Д. Аналогия права в правоприменении : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 24 с.

¹⁰ Дроздова Е.Г. Основные принципы гражданского права. URL: https://spravochnick.ru/pravo_i_yurisprudenciya/ponyatie_grazhdanskogo_prava/chto_takoe_grazhdanskoe_pravo (дата обращения: 11.11.2022).

¹¹ Трудовое право России (учебник, 4-е изд., испр. и доп.) (коллектив авторов; под ред. д. ю. н., проф. А.М. Куренного). М. : Проспект, 2021 г. 672 с. (Автор гл. 7 — Куренной А.М.).

Любое правоотношение — это связь между его субъектами¹² [15, с. 167]. В этой ситуации внутренняя связь между субъектом-работником и организацией-работодателем объяснима, но эта связь не является гражданско-правовой.

В этой связи представляется весьма показательным дуализм правоприменительной практики по данному вопросу.

Так, при применении одного из двух подходов, для возложения представительских функций поверенного — юридического лица на своего работника совершение передоверия не требуется¹³.

При этом данный подход обоснован тем, что передача полномочий от юридического лица — поверенного к его работнику не происходит, поскольку действия работника-поверенного по исполнению обязательства считаются действиями самого поверенного (ст. 402 ГК РФ).

Согласно следующему подходу, возложение функций представителя — юридического лица на своего работника может производиться только путем совершения передоверия¹⁴.

При этом представляется, что применение ст. 402 ГК РФ вне учета ее места в структуре гражданско-правовых норм в системе гражданского права, и, главное, — вне системно-логического толкования, позволяющего лишь в некоторых случаях расширительное толкование¹⁵, представляется по меньшей мере необоснованным.

Кроме того, рассмотрение действий работника юридического лица как действий, которые хотя и не предусмотрены законом или иными правовыми актами, но в силу общих начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности, представляется, по общему правилу, недопустимым, поскольку таковые регулируются трудовым правом и основаны на трудовом договоре, что предопределяет невозможность применения к ним общих начал и смысла гражданского законодательства. Далее следует обратить внимание

и на принципиальную разницу предметов трудового и гражданско-правового договора в части соответственно отсутствия, отсутствия и наличия направленности, цели на достижение гражданско-правового результата. В этой части мнения ученых достаточно единообразны¹⁶ [16].

Незыблемым представляется тезис, в рамках которого гражданско-правовые последствия могут возникать исключительно из гражданско-правового основания.

Вместе с тем важным является вопрос: может ли процесс труда в виде выполнения работником трудовой функции в соответствии с трудовым договором повлечь возникновение гражданско-правовых отношений?

Анализ положений ст. 262, 402, 1068, 1295, гл. 59 ГК РФ приводит к выводу о том, что гражданско-правовые последствия могут возникнуть лишь в случаях, предусмотренных законом, то есть, в частности, в ситуациях, когда закон, регламентирующий одни отношения, содержит прямую отсылку к применению закона, регламентирующего иные отношения.

Конкретизант в личном обязательстве возмездного оказания услуг имеет не внешний, а внутренний статус, сущностное отличие которого состоит в том, что на него соглашением сторон договора возлагается должностное (правовая квалификация которого как права или обязанности вызывает некоторые затруднения) непосредственного исполнения обязанностей стороны-услугодателя, вытекающих из данного договора. Конкретизант, не являясь субъектом обязательства, осуществляет фактические действия, составляющие предмет обязательства, будучи при этом работником услугодателя либо контрагентом по отдельному договору.

Сказанное позволяет утверждать, что и заключение соответствующего договора, и изъявление конкретизантом воли исполнить определенные действия, и фактическое исполнение этих действий — все это не влечет возникновение у конкретизанта прав и обязанностей стороны договора. Вместе с тем совокупность этих признаков характеризуют конкретизанта в качестве субъекта исполнения.

Следовательно, есть правовая возможность построения целостной конструкции и возможность квалификации конкретизированного исполнителя на основе сравнения с иными субъектами исполнения [17, с. 254—255].

Так, рассматриваемые вопросы могут быть исследованы путем применения аналогии конструкции третьего лица, не приобретающего прав сто-

¹² Буянов Ю.Г. Гражданское правоотношение: его содержание и правовая природа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskoe-pravoотноshenie-ego-soderzhanie-i-pravovaya-priroda> (дата обращения: 11.11.2022); Вавилин Е.В. Гражданское правоотношение в механизме реализации субъективного права и исполнения субъективной обязанности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskoe-pravoотноshenie-v-mehanizme-realizatsii-subektivnogo-prava-i-ispolneniya-subektivnoy-obyazannosti> (дата обращения: 11.11.2022).

¹³ Постановление Восемнадцатого ААС от 26.08.2008 № 18АП-4513/2008. URL: <https://clck.ru/av8oD> (дата обращения: 11.11.2022); Постановление Пятнадцатого ААС от 19.03.2012 № 15АП-1156/2012. URL: <https://clck.ru/av94j> (дата обращения: 11.11.2022).

¹⁴ Определение Московского городского суда от 26.01.2012 № 33-1836. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/128971057> (дата обращения: 11.11.2022); Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 13.07.2016. № 04АП-6838/15 URL: <https://clck.ru/33BFMG> (дата обращения: 11.11.2022).

¹⁵ Тихонравов Е.Ю. Специфика распространительного и ограничительного толкования права // *Advances in law studies*. Т. 4. № 3. 2016. С. 13—17; Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. М.: Госюриздат, 1962. 165 С. С. 113—114.

¹⁶ Трудовое право России (учебник, 4-е изд., испр. и доп.) (коллектив авторов; под ред. д. ю. н., проф. А.М. Куренного). М.: Проспект, 2021 г. 672 с. (Автор гл. 7 — Куренной А.М.); Шелепина Е.А. О разграничении гражданско-правовых и трудовых отношений: практический аспект. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-razgranichenii-grazhdanskopravovyh-i-trudovyh-otnosheniy-prakticheskiy-aspekt> (дата обращения: 11.11.2022).

роны по договору, например, по договору, согласно условиям которого исполнение обязательства перед кредитором производится путем передачи предмета исполнения третьему лицу (п. 2 ст. 509 ГК РФ) или по указанию кредитора, поступившему впоследствии (переадресация исполнения).

Конкретизант может быть квалифицирован как особая специфическая разновидность иного лица, определяемого рядом признаков, отличных от ранее сформулированных основных объединяющих признаков субподрядчика, соисполнителя и третьего лица [17, с. 255—256].

Вместе с тем конкретизант не может быть признан участником обязательства в силу классически ограничительного толкования статуса участника обязательства: а) как участвующего в нем в качестве стороны; б) когда создание обязательством прав и (или) обязанностей в отношении или для третьих лиц в отношении стороны (сторон) обязательства не влечет их признание в качестве участвующих в нем лиц¹⁷; в) когда юридическое признание за лицом, не участвующим в обязательстве, статуса субъекта обязательства возможно только в случаях и в порядке, предусмотренных гл. 24 ГК РФ.

В качестве признаков, присущих конкретизанту, можно назвать следующие:

1. субъект реализации прав и исполнения обязанностей стороны-исполнителя в обязательстве;
2. наделяется правами и обязанностями стороны-исполнителя согласно содержанию трудового указания или иного обязательства;
3. не является самостоятельным участником обязательства, обособленным от стороны-исполнителя;
4. находится в непосредственной правовой связи со стороной-исполнителем в силу индивидуализации путем указания его в обязательстве, в силу наделяния правами и обязанностями стороны-исполнителя и фактического исполнения обязательства стороны-исполнителя;
5. может быть охарактеризован как участник обязательства на стороне исполнителя;
6. не отвечает по обязательству стороны-исполнителя;
7. не имеет самостоятельной цели в обязательстве, преследует цель стороны-исполнителя;
8. действует в интересах стороны-исполнителя;
9. его замена не является заменой стороны обязательства, к таковой неприменимы положения гл. 24 ГК РФ.

При этом с точки зрения предпринимаемого исследования имеют значение выявленные признаки наличия непосредственной правовой связи между стороной и конкретизированным исполнителем,

его возникновение и содержание, определяемые гражданско-правовым договором.

Выводы

По общему правилу, основанием наступления гражданско-правовой ответственности является нарушение гражданских прав иного лица.

Вместе с тем, если исходить из ранее изложенной позиции, в соответствии с которой на конкретизанта соглашением сторон договора возлагается право непосредственного (фактического) исполнения обязанностей стороны-услугодателя, вытекающих из данного договора [18, с. 37], то придется признать, что неисполнение или ненадлежащее исполнение им действий по исполнению указанных обязанностей способно повлечь как неисполнение (ненадлежащее) исполнение обязательства услугодателя, так и юридическую ответственность перед услугополучателем.

То есть практические действия конкретизированного исполнителя могут быть расценены не иначе как ненадлежащее исполнение стороной-исполнителем гражданско-правового обязательства и как основание для гражданско-правовой ответственности, поскольку нарушение обязанностей, установленных в законе или договоре, влечет, по общему правилу, гражданско-правовую ответственность перед заказчиком.

При этом, согласно общему правилу ст. 402 ГК РФ, должник отвечает за действия работников, которые повлекли неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства. Очевидно, рассматриваемые отношения являются гораздо более сложными, предполагающими некие трансформационные составляющие.

Конкретизант — это не только работник, но и лицо, приобретшее право на непосредственное осуществление действий, составляющих предмет обязательства, на основании гражданско-правового договора. Таким образом, сторона-исполнитель вправе при наличии в действиях конкретизанта состава гражданского правонарушения — деликта — привлечь его как субъекта исполнения гражданско-правового обязательства на стороне исполнителя к гражданско-правовой ответственности путем предъявления регрессного требования, в отсутствие законодательного запрета на это.

В пользу данного вывода свидетельствуют следующие аргументы:

1. Перечень оснований для возникновения регрессного требования, установленный ст. 1081 ГК РФ, является открытым.

2. ГК РФ содержит нормы, устанавливающие основания регрессного требования, вытекающие из обязательственных отношений¹⁸.

¹⁷ Пункт 2 Постановления Пленума ВС РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений ГК РФ об обязательствах и их исполнении». URL: <http://www.pravozakona.ru/articles/2337> (дата обращения: 11.11.2022).

¹⁸ См. например, ст. 147, 200, 325, 366, 379, 399 ГК РФ.

3. Гражданским законодательством РФ ограничение права регресса по субъектам не установлено, ограничение права регресса не признается¹⁹.

Регрессная теория «свидетельствует в конечном итоге о личной ответственности самого работника за свои действия» [19, с. 36—37].

Отметим доктринальный [20, с. 71; 21, с. 33; 22, с. 13; 23, с. 60—61; 24, с. 17—20] и практический²⁰ интерес к проблематике регресса в отношениях работодателя и работника.

Возможна и еще одна теоретическая модель отношений с участием конкретизанта, актуальная в ситуациях, когда личность данного субъекта имеет основополагающее значение в конкретных гражданских правоотношениях. В качестве примера можно привести договор оказания медицинских услуг, предмет которого — проведение сложного хирургического вмешательства известным хирургом, что, соответственно, существенно влияет на стоимость в сторону удорожания. При этом хирург понимает, что сам факт заключения договора обусловлен именно его личными качествами; более того, хирург может получать определенный процент в виде вознаграждения (в том числе в качестве гонорара успеха, но данный вопрос выходит за рамки настоящей статьи).

Соответственно, возможна следующая модель, обусловленная трансформативным эффектом межотраслевых взаимосвязей: конкретизант, давший свое согласие на указание его в договоре в качестве исполнителя, не становясь стороной договора, совершает одностороннюю гражданско-правовую сделку (в том числе являясь при этом субъектом трудовых отношений), содержание которой — те действия, которые он обязуется совершить. Поскольку действия

конкретизанта и исполнителя взаимосвязаны, то данные субъекты становятся участниками многостороннего гражданского правоотношения, возникшего на основании юридического состава (договор оказания услуг и односторонняя сделка конкретизанта). Таким образом, происходит правовая трансформация статуса конкретизанта — оставаясь субъектом трудовых либо иных гражданско-правовых отношений, он в части конкретного договора оказания услуг становится субъектом данного договора.

Распределение ответственности в представленной трансформационной модели строится исходя из степени вовлеченности в исполнение конкретной обязанности, повлекшей убытки. Например, если операция прошла неудачно вследствие того, что клиника не обеспечила хирурга необходимыми медикаментами, то ответственность ложится на клинику, но если хирург нарушил свои обязательства, например, не явился в определенное время, то возможна реализация солидарной ответственности.

Приоритизация привлечения к ответственности конкретизанта и исполнителя в рамках данной модели должна быть поставлена в зависимость от интересов услугополучателя, а также, в случае необходимости, его наследников.

Кроме того, реализация данной модели сможет воспрепятствовать произвольной замене конкретизанта, что в настоящее время имеет место и нередко весьма негативно сказывается на интересах услугополучателя.

Применение указанной модели позволит включить в орбиту гражданско-правовой регламентации конкретизанта, что представляется необходимым и востребованным на практике.

Литература

1. Вольвач Я.В. Правовые подходы к возможности применения общих правил о недействительности сделок к личному договору с участием юридических лиц по основанию замены конкретизированного исполнителя // Вестник арбитражной практики. 2022. № 4. С. 18—29.
2. Мамагеишвили В.З. О значении теорий юридического лица в современном корпоративном праве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 3. С. 36—73.
3. Груздев В.В. О сущности гражданской правосубъектности // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2. С. 113—121.
4. Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. М. : Статут, 2005. 476 с.
5. Костян И.А. Вопросы правосубъектности работодателя (юридического лица) // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 4. С. 7—10.
6. Лузянин Т.Ю. Юридический состав сделок в трудовом праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 2. С. 187—215.

¹⁹ Айвори И., Рогоза А. Неиспользование английского права в российских сделках / Non-use of English law in Russian transactions. М. : Альпина Паблишер, 2011. 136 с.

²⁰ Обзор практики рассмотрения судами дел о материальной ответственности работника (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 05.12.2018). Бюллетень Верховного Суда РФ, № 7, июль, 2019, Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 13.01.2020 № 78-КГ19-54. URL: <https://clck.ru/33FkFu> (дата обращения: 11.11.2022); Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 07.04.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_381735 (дата обращения: 11.11.2022).

7. Потапов А.В. Правосубъектность работодателя — юридического лица: историко-правовой аспект // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 2. С. 19—21.
8. Вавилин Е.В., Волос А.А. Системность принципов и их действие в гражданском праве России и Китая // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 1. С. 53—73.
9. Волос А.А. Принципы обязательственного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. 26 с.
10. Комиссаров И.М. Смысл законодательства как явление современного гражданского права. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/smysl-zakonodatelstva-kak-yavlenie-sovremenno-go-grazhdanskogo-prava> (дата обращения: 11.11.2022).
11. Лихтер П.Л. Проникающая (объединяющая) ответственность в свете коллизий принципов гражданского права // Российская юстиция. 2019. № 6. С. 8—10.
12. 12. Макеева И.В., Зейналова Л.М. Принципы и пределы осуществления гражданских прав // Право и экономика. 2022. № 8. С. 13—18.
13. Микрюков В.А. Интенсификация применения аналогии права в практике преодоления гражданско-правовой неопределенности // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 8. С. 63—71.
14. Шиткина И.С. Исполнительные органы хозяйственного общества : монография. М. : Статут, 2022. 316 с.
15. Третьяков С.В., Генкин Д.М. Дискуссия об абсолютных правах вне правоотношений и некоторые вопросы классификации субъективных гражданских прав // Вестник гражданского права. 2022. № 4. С. 151—188.
16. Головина С. Сложности в разграничении гражданско-правовых и трудовых договоров. URL: <https://kontur.ru/articles/5374> (дата обращения: 11.11.2022).
17. Вольвач Я.В. Правовые подходы к особому личному обязательству — «с конкретизацией исполнителя» — как основанию специфичной разновидности соучастия в обязательстве // Вестник МГЭИ. 2022. № 2. С. 247—260.
18. Вольвач Я.В. Правовые подходы к определению оснований для применения общих правил, регламентирующих перемену лиц в обязательстве, к особому личному обязательству — «с конкретизацией исполнителя» // Право и экономика. 2023. № 1. С. 33—40.
19. Дерюгина Т.В. Проблемы определения условий гражданско-правовой ответственности при причинении вреда // Власть закона. 2018. № 1. С. 31—39.
20. Грозовская Е. Ответственность работодателя за вред, причиненный работником // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. 2022. № 6. С. 70—75.
21. Давыдова Е.В. Как взыскать ущерб с работника в порядке регресса? // Оплата труда: бухгалтерский учет и налогообложение. 2021. № 5. С. 30—37.
22. Ибрагимова А.И. Особенности регулирования гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный дисциплинарно-трудовым правонарушением // Российская юстиция. 2020. № 5. С. 12—15.
23. Кораблева Н. Взыскиваем материальный ущерб с работника // Автономные учреждения: бухгалтерский учет и налогообложение. 2021. № 6. С. 57—67.
24. Осипян Б.А. Правомерное и целесообразное различие разных видов юридической ответственности физических, должностных и юридических лиц / Б.А. Осипян // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2018. № 1. С. 16—22.

PRIVATE LAW SCIENCES (CIVIL LAW)

A SPECIAL CLASS OF CONTRACTS FOR SERVICES: “PERFORMER SPECIFIED”

Ianuara Vol'vach²¹

Keywords: *non-defined transaction, general principles and meaning of civil law, personal nature of obligation, personal obligations, services rendering, personal performance of an obligation, concretised performer, concretisant, legal capacity of legal entity, third party having no rights of a party to the contract, recourse obligation.*

Abstract

Purpose of the paper: studying questions related to attributes defining the legal nature of concretised performance and the status of the performer in case of a contract for paid services where the direct performer is specified, that is, concretised.

Method of study: the study is based on both general and specific scientific methods of study, i. e. the comparative legal, systemic legal, and logical methods, as well as the method of analysing and interpreting legal regulations.

Study findings: the conclusion is made that it is advisable to bring into scholarly discourse a term for the subject who accepted the obligations of directly performing the actions aimed at fulfilling the contract, the term “concretisant” being perceived as optimal from the viewpoint of compactness and meaningfulness. Besides, an alternative theoretical model

²¹ Ianuara Vol'vach, Ph.D. (Law), Lecturer at the Department of Civil Law Disciplines of Moscow Humanitarian Economic University, Moscow, Russian Federation. E-mail: adv_71@mail.ru

of relationships with the participation of the concretisant which is relevant in situations where the personality of this subject is of crucial importance in specific civil law relationships is proposed.

Research novelty: bringing into scholarly discourse the term “concretisant” and proposing an alternative theoretical model of relationships with the participation of the concretisant who, giving his consent to being specified in the contract as a performer while not being a party to the contract, concludes a one-party civil law transaction (including being at the same time a subject of employment relations) the substance of which is the actions s/he undertakes to perform. The connection between these actions and the actions of the performer determines the status of the said subjects as participants of a multilateral civil law relationship based on the set of legal facts (contract for services and the concretisant’s one-party transaction).

References

1. Vol'vach Ia.V. Pravovye podkhody k vozmozhnosti primeneniia obshchikh pravil o nedeistvitel'nosti sdelok k lichnomu dogovoru s uchastiem iuridicheskikh lits po osnovaniuu zameny konkretizirovannogo ispolnitelia. Vestnik arbitrazhnoi praktiki, 2022, No. 4, pp. 18–29.
2. Mamageishvili V.Z. O znachenii teorii iuridicheskogo litsa v sovremennom korporativnom prave. Vestnik ekonomicheskogo pravosudiia Rossiiskoi Federatsii, 2021, No. 3, pp. 36–73.
3. Gruzdev V.V. O sushchnosti grazhdanskoi pravosub'ektnosti. Aktual'nye problemy rossiiskogo prava, 2018, No. 2, pp. 113–121.
4. Kozlova N.V. Pravosub'ektnost' iuridicheskogo litsa. M. : Statut, 2005. 476 pp.
5. Kostian I.A. Voprosy pravosub'ektnosti rabotodatelia (iuridicheskogo litsa). Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom, 2020, No. 4, pp. 7–10.
6. Luzianin T.Iu. Iuridicheskii sostav sdelok v trudovom prave. Pravo. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki, 2022, No. 2, pp. 187–215.
7. Potapov A.V. Pravosub'ektnost' rabotodatelia – iuridicheskogo litsa: istoriko-pravovoi aspekt. Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom, 2021, No. 2, pp. 19–21.
8. Vavilin E.V., Volos A.A. Sistemnost' printsipov i ikh deistvie v grazhdanskom prave Rossii i Kitaia. Vestnik Permskogo universiteta. Iuridicheskie nauki, 2018, No. 1, pp. 53–73.
9. Volos A.A. Printsipy obiazatel'stvennogo prava : avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk. Saratov, 2015. 26 pp.
10. Komissarov I.M. Smysl zakonodatel'stva kak iavlenie sovremennogo grazhdanskogo prava. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/smysl-zakonodatel'stva-kak-yavlenie-sovremennogo-grazhdanskogo-prava> (data obrashcheniia: 11.11.2022).
11. Likhter P.L. Pronikaiushchaia (ob'ediniiaushchaia) otvetstvennost' v svete kollizii printsipov grazhdanskogo prava. Rossiiskaia iustitsiia, 2019, No. 6, pp. 8–10.
12. Makeeva I.V., Zeinalova L.M. Printsipy i predely osushchestvleniia grazhdanskikh prav. Pravo i ekonomika, 2022, No. 8, pp. 13–18.
13. Mikriukov V.A. Intensifikatsiia primeneniia analogii prava v praktike preodoleniia grazhdansko-pravovoi neopredelennosti. Aktual'nye problemy rossiiskogo prava, 2021, No. 8, pp. 63–71.
14. Shitkina I.S. Iсполnitel'nye organy khoziaistvennogo obshchestva : monografiia. M. : Statut, 2022. 316 pp.
15. Tre't'iaikov S.V., Genkin D.M. Diskussiia ob absoliutnykh pravakh vne pravootnoshenii i nekotorye voprosy klassifikatsii sub'ektivnykh grazhdanskikh prav. Vestnik grazhdanskogo prava, 2022, No. 4, pp. 151–188.
16. Golovina S. Slozhnosti v razgranichenii grazhdansko-pravovykh i trudovykh dogovorov. URL: <https://kontur.ru/articles/5374> (data obrashcheniia: 11.11.2022).
17. Vol'vach Ia.V. Pravovye podkhody k osobomu lichnomu obiazatel'stvu – “s konkretizatsiei ispolnitelia” – kak osnovaniuu spetsifichnoi raznovidnosti souchastiia v obiazatel'stve. Vestnik MGEI, 2022, No. 2, pp. 247–260.
18. Vol'vach Ia.V. Pravovye podkhody k opredeleniiu osnovanii dlia primeneniia obshchikh pravil, reglamentiruiushchikh peremenu lits v obiazatel'stve, k osobomu lichnomu obiazatel'stvu – “s konkretizatsiei ispolnitelia”. Pravo i ekonomika, 2023, No. 1, pp. 33–40.
19. Deriugina T.V. Problemy opredeleniia uslovii grazhdansko-pravovoi otvetstvennosti pri prichinenii vreda. Vlast' zakona, 2018, No. 1, pp. 31–39.
20. Grozovskaia E. Otvetstvennost' rabotodatelia za vred, prichinennyi rabotnikom. Kadrovaia sluzhba i upravlenie personalom predpriiatiia, 2022, No. 6, pp. 70–75.
21. Davydova E.V. Kak vzyskat' ushcherb s rabotnika v poriadke regressa? Oplata truda: bukhgalterskii uchet i nalogooblozhenie, 2021, No. 5, pp. 30–37.
22. Ibragimova A.I. Osobennosti regulirovaniia grazhdansko-pravovoi otvetstvennosti za vred, prichinennyi distsiplinarno-trudovym pravonarusheniem. Rossiiskaia iustitsiia, 2020, No. 5, pp. 12–15.
23. Korableva N. Vzyskivaem material'nyi ushcherb s rabotnika. Avtonomnye uchrezhdeniia: bukhgalterskii uchet i nalogooblozhenie, 2021, No. 6, pp. 57–67.
24. Osipian B.A. Pravomernoe i tselesoobraznoe razlichenie raznykh vidov iuridicheskoi otvetstvennosti fizicheskikh, dolzhnostnykh i iuridicheskikh lits. B.A. Osipian. “Chernye dyry” v rossiiskom zakonodatel'stve, 2018, No. 1, pp. 16–22.

